

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ

Волчонок

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А68

Анненская А.

А68 Волчонок / А. Анненская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 120 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77611-5

Волчонок — это прозвище главного героя. Нелюдимый мальчик-сирота самостоятельно прокладывает себе дорогу в будущее и исполняет свою мечту — становится врачом.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77611-5

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава I

Наступала весна. Мартовское солнце ярко светит и заметно согревает. Под его живительными лучами снег быстро тает и потоками льется через водосточные трубы на тротуары. На солнечной стороне улицы мокро, но зато тепло, светло, весело; в тени зима еще упорно держится, снег почти не тает, резкий ветер заставляет людей плотнее кутаться в теплые одежды. Холодно и мрачно в тех закоулках, куда не проникает луч солнца, где приближение весны чувствуется только потому, что зимняя стужа сменяется сыростью... В одном из таких забытых солнцем закоулков, в подвале большого пятиэтажного дома, окружавшего своими громадными флигелями крошечный дворик, сидел, сгорбившись над работой, человек, который по-видимому сильно нуждался в живительном луче тепла и света. Мертвенно-бледный, с истомленным лицом и красными воспаленными глазами, он с лихорадочной поспешностью нашивал бантики и пуговицы на щегольские дамские ботинки; с полдюжины таких же ботинок разных размеров и фасонов, расставленных на большом почерневшем от времени столе, и множество деревянных колодок, валявшихся в углу комнаты вместе с обрезками подошвы, кожи и прюнели, ясно показывали, что это был башмачник, а бедная обстановка его сырой, мрачной, низкой комнаты и разноцветные заплатки, покрывавшие одежду его, говорили о плохих зара-

ботках, о суровой нужде. Несмотря на торопливость, с какой бедняк действовал иглой, ему по временам приходилось прерывать работу: удушливый кашель мучил его, он хватался рукой за грудь и красные пятна выступали на его впалых щеках.

— Ишь ты, как замучился, Павлуша, — раздался из глубины комнаты голос женщины: — хоть бы отдохнул; право, совсем изведешься!

— Отдохнуть! Кончу, так отдохну, — хмуро отвечал башмачник: — сама знаешь, сегодня надо работу нести, так чего там: «отдохни!»

— Можно и завтра снести работу; беда не велика, что один день просрочишь, — возразила женщина: — хозяин, кажись, добрый — придешь, поклонишься, авось, не взыщет с больного человека.

— Еще кланяться! Очень нужно! — проворчал башмачник. Новый припадок кашля прервал слова его.

Авдотья, так звали женщину, знала, что спорить с братом бесполезно; она махнула на него рукой и вернулась к своему занятию — мытью в корыте каких-то лохмотьев, составлявших все белье семьи.

Дверь скрипнула; в комнату вошел маленький человек, неся в руках кусок хлеба, бутылку квасу и пару селедок. Мы говорим маленький человек, а не мальчик потому, что в этом крошечном существе не было, по-видимому, ничего детского: одет он был в большие сапоги, в длинный чуть не до пят балахон, в огромную закрывавшую уши шапку, и взгляд его сереньких глазок был не по летам серьезен.

— Принес, тетенька! — проговорил он, опуская свою ношу на деревянный табурет возле печки и освобождаясь от шапки, видимо тяготившей его.

— Принес Илюша? Ну, и ладно! — добродушно отозвалась Авдотья. — Сейчас у меня обед будет готов, картошка уже сварилась.

Через несколько минут вся семья сидела за обедом, состоявшим из вареного картофеля с селедкой да из хлеба с квасом.

Авдотья ела быстро и почти все время говорила, хотя никто не отвечал ей. Илюша чинно, не торопясь, проглатывал кусок за куском и сосредоточил все свое внимание на этом приятном деле. Павел почти не дотрагивался до пищи: ему сильно нездоровилось, он едва сидел.

— Вот и посуду не буду мыть, — говорила Авдотья: — надо скорей бежать к Шустовым; у них сегодня много гостей, ужин, велели придти кухарке помогать.

— А где они живут? — спросил Павел.

— На Офицерской, — ты разве не помнишь? Мы ведь у кумы Анисьи там в гостях были?

— Не помню. Я думал, не по дороге ли тебе в Гостиный двор. Я работу кончил, а нести не могу, совсем разломило.

— Ах ты напасти! — всплеснула руками Авдотья. — Как тут быть? Кабы не такой случай, я бы сходила, мне что! Да нельзя: господа хорошие, Шустовы-то заплатят, да и куме надо услужить! Или, может, не ходить? Твою работу снести?..

— Илья снесет! — коротко отозвался башмачник, которого видимо раздражала болтливость сестры.

— Снесу, — проговорил мальчик, дожевывая последний кусок хлеба.

Башмачник связал в большую тряпку с десяток пар оконченных ботинок.

— Ты знаешь дорогу? Помнишь магазин? — обратился он к сыну.

— Знаю, — отвечал тот, снова нахлобучивая свою огромную шапку.

— Отдашь работу, получи шесть рублей, слышишь, непременно шесть! Назад пойдешь, купи восьмушку чаю, фунт сахару да косушку водки, понял?

Мальчик вместо ответа кивнул головой, отчего шапка сдвинулась ему на глаза, взял в руки узел и твердой, неторопливой походкой вышел из комнаты.

— Деньги-то, Илюша, получи! Да не потеряй! Спрячь за пазуху да рукой придержи! Смотри, голубчик, не потеряй!

Да дорогу-то ты хорошо ли знаешь? — кричала ему вслед тет-ка, но он не счел нужным остановиться и ответить ей.

Ходить по улицам Петербурга с довольно тяжелыми ноша-ми, получать, платить деньги, делать покупки — все это было не новостью для Илюши. Хотя ему еще не было девяти лет, но он уже давно принимал участие в трудах взрослых, в их ста-раньях заработать кусок хлеба. Мало того: для него, можно сказать, совсем не существовало того беззаботного детства, когда ребенок не знает, на что нужны деньги, когда он думает, что стоит попросить папу и все, чего хочется, явится. Будучи двух лет, он вечером встречал мать, ходившую на поденную работу, вопросом: «Ну, сто, получила деньги?» Трех лет, он при виде своей новорожденной сестрицы, серьезно заметил отцу: «Зачем она нам? Чем мы ее кормить будем?»; пяти лет, он знал все окрестные лавки, умел делать все мелкие хозяй-ственные покупки и в случае надобности выпросить у лавоч-ника в долг фунт хлеба, сальную свечку, несколько кусков са-хару. Отец его был, как мы видели, трудолюбивый и даже искусный башмачник, но человек очень слабого здоровья. Жена его тоже не прочь была трудиться, чтобы поддерживать семью, но, несмотря на все усилия, им никак не удавалось вы-биться из бедности. Каждый год у них рождались дети; все они, кроме Илюши, жили год, два и умирали после более или менее продолжительной болезни. Эти болезни и затем похороны стоили денег; уход за несчастными малютками отнимал у матери и время, и силы, а тут еще каждую весну и осень Па-вел схватывал простуду и хворал по несколько недель. Бедная женщина не могла долго выносить такой тяжелой жизни и за год до начала нашего рассказа умерла, оставив мужу, кроме Илюши, еще маленькую двухнедельную дочку. Павел совсем растерялся, оставшись без жены с двумя детьми. К счастью, на помощь ему явилась сестра его, словоохотливая, суетливая Авдотья. Она оставила место кухарки, которое занимала до тех пор, и согласилась жить с братом, чтобы нянчить его ма-лютку и исполнять все несложные работы его бедного хозяй-

ства. Через полгода малютка умерла, но Павел был так слаб и хил, что добрая Авдотья не решалась оставить его.

— Совсем он ледащий человек, — говорила она своим ку-мушкам, распивая с ними кофе, — один день работает, а два лежит; я его и горяченьким накормлю, и одежду ему справлю, и белье помою, — без меня он совсем пропадет.

Павел чувствовал, как великодушно поступает сестра, отказываясь ради него от сытой жизни в барском доме; он чувствовал, как много добра делает она и ему, и его ребенку. Словами он никогда не благодарил ее: он был человек молчаливый, скрытный, но он напрягал все свои силы, чтобы как можно больше зарабатывать и тем избавить ее от слишком больших лишений, доставить ей сколько-нибудь довольства. Заработок его, действительно, увеличивался, но с тем вместе здоровье его все более ослабевало. Страшная, неумолимая болезнь подтачивала силы его; доктор, к которому он, по совету сестры, обратился за лекарством от кашля, послушав его грудь, заметил по-немецки своему помощнику: «Дурак, пришел лечить кашель, а у него чахотка в последнем градусе, до лета не протянет». Он имел деликатность не перевести эту фразу больному, а просто прописал ему какое-то успокоительное лекарство и пообещал, что, «когда наступит тепло, все пройдет». И бедный больной, задыхаясь от кашля, дрожа от лихорадки, мечтал, что скоро выздоровеет, что ему удастся получить заказы еще в одном магазине, что он возьмет себе в помощники мальчика, да Илюшу понемногу будет приучать к работе, и заживут они отлично: Авдотье он купит шерстяное платье, всякий день будут чай пить, возьмут квартиру получше...

Отослав Илюшу с заказом и оставшись один в комнате, он утешал себя теми же мечтами, хотя болезнь давала себя чувствовать сильнее, чем когда-нибудь: он ослабел до того, что не мог подняться с постели напиться, а между тем его мучила жажда, и внутри все как-то горело и болело.

Возвратясь домой с деньгами и покупками, Илюша увидел, что отец совсем болен. Он не испугался и не расплакался, как сделали бы многие дети его возраста. Видеть больных, и даже ухаживать за ними, было для него не в диковину. Он сходил к соседям, достал кипятку, умелой рукой заварил чай, напоил отца, сам с удовольствием выпил две больших чашки, затем, пододвинув свой тощий матрасик к постели больного, сказал:

— Тятка, я спать лягу; коли тебе понадобится что, ты меня разбуди, — и через несколько минут заснул спокойным сном, не забыв перед тем погасить маленькую керосиновую лампочку, «чтобы даром не горела».

С этого дня Павел уже не вставал с постели. Авдотья сразу поняла, «что он не жилец на этом свете», и пожалела отвозить его в больницу. «пусть хоть умрет в своем углу да спокойно» — говорила она соседкам, приходившим навещать ее. А он, в редкие минуты сознания, продолжал мечтать о новой квартире, о новых заработках; мысль о смерти ни разу не приходила ему в голову. И умер он с этими мечтами — тихо, спокойно...

Бедным людям некогда долго оплакивать своих покойников. Похоронив брата, Авдотья немедленно принялась продавать все небольшое имущество покойного, чтобы выручить деньги, истраченные на похороны, и в то же время обдумывала, как лучше устроить судьбу свою и маленького племянника, оставшегося на ее попечении. Жить на квартире и заниматься поденной работой казалось ей невыгодно; она решила опять взять место кухарки, но с тем, чтобы ей позволили держать мальчика при себе, пока он не подрастет настолько, что его можно будет отдать в ученье к какому-нибудь мастеру.

Илюша был сильно поражен смертью отца. На своем коротком веку он видал уже много смертей; но когда умирали его маленькие братцы или сестрицы, он почти нисколько не жалел о них: это все были такие маленькие, беспокойные, плаксивые существа, не дававшие ему спать по ночам и надо-

едавшие ему днем своим криком; когда умерла мать, он был огорчен, но последние месяцы своей жизни она была очень раздражительна, часто бранила и даже била его, а взамен ее явилась тетка Авдотья, — такая добрая, веселая и ласковая, что он скоро забыл о своей матери; и теперь, пока тело отца стояло в комнате, он относился довольно спокойно ко всему происходившему, даже не заплакал, прощаясь с покойником, чем привел в сильное негодование двух-трех соседа.

— Ишь, болван бесчувственный, — толковали они, — и не плачет!

Только вернувшись с похорон в свою комнату, мальчик почувствовал, что лишился чего-то дорогого, незаменимого; смутное сознание сиротства и одиночества вдруг охватило его; он забился в угол и растерянно оглядывался кругом, точно каждая вещь этой бедной комнатки не была давным-давно известна ему.

В эту минуту дверь с шумом растворилась, вошла Авдотья в сопровождении нескольких соседей и соседок, которым она продала убогую мебелировку комнаты. Накануне она до изнеможения торговалась за всякий табурет, за всякую деревянную ложку, теперь все переговоры были уже кончены, даже деньги получены, и новые владельцы спешили унести к себе вещи. Илюша, неподвижно стоя в своем углу, видел как постепенно исчезала посуда, праздничное платье отца, его постель, скамейки, стул... Комната все больше и больше пустела, а с тем вместе росло и тяжелое чувство мальчика. Вот уже все вынесено, остался только большой рабочий стол Павла. Двое мастеровых подошли к нему, взяли его за оба конца и собирались вынести вслед за остальными.

Илюша не мог дольше терпеть; он подскочил к столу, ухватился за край его и сердитым голосом закричал:

— Не трогайте! Это тяткин стол!

Мастеровые сначала удивились, а потом рассмеялись.

— Был тяткин, а теперь мой стал, — заметил один из них, — твоему тятке, небось, теперь столов не нужно! Пустика, мальчик!

— Не дам, не пущу! — кричал Илюша.

Он лег грудью на стол и обхватил его обеими руками.

— Что это ты, Илюша? — засуетилась Авдотья, подоспевшая на шум. — Пусти стол, Степан Иванович купил его, и деньги мне вчера заплатил, нам с тобой этот стол не нужен, у нас будут столы; пусти, пусти, батюшка, не задерживай!

Не слушая увещаний тетки, мальчик продолжал держаться за стол, упорно повторяя: «Тяткин стол, не отдам!»

Мастеровые силой оттащили его и поспешно унесли стол, пока Авдотья и соседки удерживали мальчика и наперерыв объясняли ему, зачем и кому проданы все вещи. Мальчик не слушал никаких объяснений: он сознавал одно, что кругом его что-то опустело, что-то исчезло, что-то кончено; ему было и жаль, и страшно, и досадно на окружавших людей, точно они были виноваты в том тяжелом чувстве, какое он испытывал.

— Ну, вот, все вынесли, — заметила Авдотья, когда стол был благополучно выпровожен из комнаты. — Все вынесено, — повторила она. — Пойдем, Илюша, к Аграфене Петровне: она нам даст у себя угол пока, и блинков у нее поедим, помянем покойника, пойдем.

— Не хочу! Не пойду! — вскричал мальчик. Он вырвался от тетки, забился в угол комнаты и исподлобья, сердитыми глазами смотрел на присутствовавших.

— Ишь зверь какой, прости Господи! — заметила одна из соседок. — И чего это он?... Прощаясь с отцом, не плакал, а тут — на, стола дрянного пожалел...

— Что с ним поделаешь: известно, дитё неразумное! — добродушно заметила Авдотья.

Женщины пошли к Аграфене Петровне, чтобы помянуть за блинами покойного, а Илюша остался один в пустой комнате. Долго стоял он в углу и все те же чувства тяжелым кам-